

СВЕТЛАНА РЫБАКОВА

О РУССКОМ ПРАВДОЛЮБЦЕ

Памяти Михаила Петровича ЛОБАНОВА

10 декабря 2016 года ушёл в путь всяя земли Михаил Петрович Лобанов. В истории нашего Отечества и русской литературы об этом человеке останется светлая память.

Не всякому свыше даётся говорить от лица своего народа и заступаться за него. Наверное, прекрасные бесконечные просторы Рязанской земли, где “не видать конца и края” и где со всех сторон небо с землёй сходятся, рожают именно таких вольных правдолюбцев. Потому и другой уроженец этих краёв, русский национальный поэт Сергей Есенин, также в смутно-тёмные 20-е годы XX столетия позволял себе открыто выговаривать властям предрержащим то, о чём все вокруг угрюмо молчали или шептались тихо, чтобы никто не услышал. В конце такой короткой жизни лебединой песней поэта стали стихи о любви к Руси уходящей, которой он остался верен до смерти.

Михаил Петрович творил уже в другие времена, но вопрос о судьбе России и русского народа стоял так же краеугольно и остро. Впрочем, как и сегодня.

Очень кратко скажу о его жизни, об этом много уже написано. Михаил Лобанов родился 17 ноября 1925 года в Спас-Клепиковском районе Рязанской области, в деревне Иншаково. В январе 1943 года из 10 класса средней школы он был призван в армию, участвовал в боях на Курской дуге. 9 августа 1943 года был ранен в бою осколком мины. За участие в сражениях награждён двумя боевыми орденами – Красной Звезды и Отечественной войны I степени. В 1949 году окончил филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова. Защитил в университете кандидатскую диссертацию по своей книге “Роман Л. Леонова “Русский лес””. Более полувека (1963–2014) был руководителем творческого семинара прозы, профессором Литературного института им. М. Горького.

Всю свою долгую и нелёгкую жизнь Лобанов был правофланговым в строе патриотов России. В 1960-е годы, когда Михаил Петрович стал членом редколлегии журнала “Молодая гвардия”, по словам В. В. Кожинова, там начало складываться “новое направление” и “прежде всего, в статьях Лобанова...” Особый резонанс вызвала статья “Просвещённое мещанство”, в которой Лобанов, в частности, писал, что в будущем “рано или поздно смертельно столкнутся между собой две непримиримые силы – американизм духа и нравственная самобытность” народа (“Молодая гвардия”, 1968, № 4). Один бывший работник комсомольского журнала, эмигрировавший в Америку, вспоминает, что “даже на кухнях говорили об этой статье шёпотом”. Будущие “архитекторы перестройки” обвиняли молодого автора столь нетипичных

для его времени публикаций в “антимарксизме”, “внеклассовости”, “почвенности”, “русском шовинизме” и т. д. В 1970-е годы он подвергался нападкам людей, не любивших историческое прошлое России, бывшей, по их мнению, лишь “тёмным царством”. Но самая трагическая страница в жизни моего учителя произошла после опубликования в 1982 году в журнале “Волга” статьи “Освобождение”. В ней говорилось о замалчиваемой современными историками народной трагедии – голоде в Поволжье в 1933 году. Сам генсек партии Ю. В. Андропов потребовал принять постановление ЦК КПСС, осуждающее статью Лобанова. Последовали гонения, проработки...

Но вскоре наступила “перестройка”, и в непродолжительное время бывшие марксисты и комсомольские вожаки “перековались” и неожиданно стали яркими противниками советской власти, либералами, модернистами... А Михаил Петрович продолжал славить великую Россию. Это был человек, всю жизнь совершавший поступки, согласные с голосом совести, и до самого конца верный своим убеждениям. На его слова и действия никогда не влияли никакие “ветры перемен”. Зато, повторюсь, многие общественные деятели, имевшие в не столь отдалённые “советские” времена большие льготы и почести, стали выливать на эти времена мутные потоки, отрицая всё: и плохое, и хорошее, которого было немало, – унижая русский народ и обвиняя его во всех смертных грехах. И Михаил Петрович вновь поднялся во весь рост и стал на защиту своего народа, рассказывая новым поколениям правду о любимой России. Одна за другой появлялись книги “Великая победа и великое поражение” (2000), “В сражении и любви” (2003), “Память войны” (2006), “Оболганная империя” (2008), “Твердыня духа” (2010).

Однако для меня, человека верующего, самое главное – это взаимопонимание души человека и Бога. Ведь в своё время Христос каждому из нас, невзирая на лица, должности, мировоззрение, социальное положение, задал одни и те же вопросы, совсем не о достижении в чём-то или чего-то, а о простом, но самом насущном: “Ты дал стакан воды жаждущему? Не воровал, не прелюбодействовал? Отца и мать не обижал? Накормил голодного? Проведал больного?”

Могу с радостью свидетельствовать, что Михаил Петрович был настоящим искренним христианином. Однажды он рассказывал мне, что когда в послевоенное время в стране объявили об очередной переписи населения, то в народе говорили, что одним из пунктов её может вновь стать вопрос о вероисповедании. Когда Михаил Петрович завёл об этом речь со своим старшим другом, писателем Леонидом Леоновым, то тот говорил с ним уклончиво. “Как же это, Леонид Максимович? Нельзя промолчать... Ведь это будет отречение от Христа, – заметил тогда Михаил Петрович. – Надо отвечать прямо: верующий”. Из этого разговора я сделала вывод, что Михаил Петрович был готов к исповедничеству. В те годы ещё помнили перепись 1937 года, когда в самый разгар невиданных в истории Православной Церкви гонений на веру (даже в сравнении с первыми веками мученичества) многие люди назвали себя христианами, а атеисты были в меньшинстве. Но, видимо, время открытых гонений и мученичества прошло, и Михаил Петрович и многие верующие люди, готовые стать исповедниками, нужны были Господу на нашей земле для свидетельства о высшей истине и правде. Поэтому так сложилось, что безбожные власти, вероятнее всего, желая избежать повторения случая из довоенной переписи, исключили пункт о вероисповедании.

Ещё меня очень тронул и запомнился на всю жизнь один случай. Михаил Петрович, когда я стала болеть от сильного переутомления (дело дошло до капельниц), предложил свою помощь в покупке для меня лекарств. Я даже растерялась от неожиданности.

Вообще очень благодарна Богу, что неожиданно выпала мне именно такая, творческая дорога жизни. И что встретились на ней прекрасные люди – Михаил Петрович Лобанов и Светлана Владимировна Молчанова. Сначала стало страшно, когда Светлана Владимировна, прочитав мои рассказы и передав их Михаилу Петровичу, в конце концов, предложила поступать в Лит. Сидела я в приходской библиотеке, выдавала людям богословские книги, время от времени жила в монастырях, писала об этом “в стол” для себя впечатления и рассказы, ни о каком писательстве не мечтая. И вдруг – Литинститут. Сам Михаил Петрович берёт меня в свой семинар! В первое время, сидя на лекциях, изумлялась: как меня сюда занесло? Потом почувствовала, что на семинарах

Михаила Петровича я не инородное тело. Творчество – объединяющее начало для самых непохожих друг на друга натур. У Михаила Петровича был особенный талант собирать вокруг себя одарённых и по своей сути хороших людей. Наверное, в текстах абитуриентов он чувствовал созвучных себе художников. В наших семинарах всегда были неповторимые творческие личности, работавшие в самых разных направлениях – реалистических, модернистских, сказовых, фантастических, – под объединяющим началом “да будет творчество”. Сам Михаил Петрович однажды написал: “В истории семинара всё было. Были и Виктор Пелевин, и Юрий Пономарёв из выпуска 1977 года, ныне о. Феодор, монах Свято-Троицкого Александро-Свирского монастыря...” (См.: В шесть часов вечера каждый вторник. Семинар Михаила Лобанова в Литературном институте. М., Изд-во Литературного института им. М. Горького, 2013).

Надо ещё сказать, что у Михаила Петровича многими замечалась ещё одна удивительная черта натуры: он в своих статьях бывал подчас резок в суждениях, точнее, называл неприглядные действия современников своими именами. Мне как читателю иногда казалось, что, может, надо бы иначе написать, не так остро... Хотя его рассуждения всегда уходили в самый корень вопроса. А по жизни, наоборот, он был весьма доброжелателен, на семинарах щадил студентов во время обсуждения рассказов и с мягким юмором относился к нашим “проколам” (мы сами, критикуя, иногда отзывались о текстах своих сокурсников во время дебатов намного жёстче). Никогда наш мастер не давил собственным авторитетом, не навязывал своих убеждений, а просто душой и сердцем рассказывал о том, что ему было дорого, исподволь передавая свою любовь студентам. И всегда предоставлял нам свободу быть собой, мы не опасались выразить перед ним своё мнение, но если кого-то в творчестве кружил дух сего лукавого времени, то Михаил Петрович весьма бережно давал понять, что это “не художество”. Однако если наш мастер принципиально был с чем-то не согласен, то высказывал свою позицию спокойно, никогда не повышая голоса, но очень веско, убедительно, и это запоминалось навсегда. Мы любили нашего учителя и, закончив Литинститут, продолжили посещать его семинар. Как было отрадно, что ему всегда можно было позвонить и поздравить с праздником либо посоветоваться о своём новом творческом начинании, получить в ответ слово одобрения или мудрый совет. Очень больно, что теперь этого уже никогда не будет. Но у меня остались друзья, наши семинарцы, и ведь это Михаил Петрович одарил нас друг другом.

Слышала несколько раз, как педагоги Лита говорили: “О! Это лобановцы, молодцы” (недаром семинар Михаила Петровича считали лучшим в институте). Так всегда бывает: наставник отражается в своих воспитанниках. Труды Михаила Петровича на ниве возвращения творческих личностей дали много прекрасных плодов. В той самой аудитории 11, где в течение полувека проходили семинары Михаила Петровича, были обсуждены тысячи рассказов студентов из всех республик великого Советского Союза, нынешней России, а также – выпускников, выходцев из зарубежных стран. На своих семинарах Михаил Петрович воспитал не только талантливых писателей, таких как Алексей Серов, Василий Киляков, Сергей Тимченко, Евгений Богданов, Андрей Тимофеев... И это перечисление можно продолжать ещё очень долго, но даже монахов и священников, исполняющих своё служение одновременно и на литературном, и на духовном поприщах: архимандрит Дамаскин (Орловский), монах Фёдор (Пономарёв), протоиерей Геннадий Рязанцев, протоиерей Владимир Чугунов, протоиерей Евгений Булин. После всех этих своих речей подумала: “Михаил Петрович был скромным человеком, и если бы это всё сейчас услышал, то, наверное, сделал бы мне замечание, что я мыслью по древу растекаюсь”. Но, как говорится, от избытка сердца...

Ушёл Михаил Петрович так, как может сподобиться только лучший из христиан. О жизни человека говорит его смерть. (К этим словам старца Силуана, разумеется, не относятся судьбы людей, живших по-христиански, но ушедших из мира трагически. Мученики – это избранники Божии, как правило, в глубине души желавшие подвига. Бог даёт людям по сердцу их, и не нам разбирать Суды Божии.) Однако для меня стало откровением то, что Бог особо принимает и жизнь людей, в борьбе отстаивающих Его и человеческую правду. Давно уже для себя я сделала вывод, что Бог не любит нераскаянных предателей и лицемеров, они обязательно за это расплачиваются уже в земных

измерениях, и вообще, как написано: “смерть грешника люта”. А вот как перед судом Божиим предстоит человек, который был здесь правдборцем и позволял себе говорить или писать подчас резко... Уход Михаила Петровича ясно показал, что Бог такого человека приемлет и что он в своих обличениях был абсолютно искренен, честен и, если появлялся в его словах гнев, то праведный. Причастившись Святых Христовых Таин, раб Божий Михаил мирно перешёл в жизнь вечную в день памяти иконы Богородицы “Знамение”.

Отпевание совершалось в храме его небесного покровителя святого Архистратига Михаила, прихожанином которого он был многие годы. Нищая у храма спросила: “Кого хоронят? Народа больно много...” Да, пришли люди, его любившие, а их было немало. Такая чудная в тот день погода случилась: яркое солнце, голубое небо, иней на деревьях — всё переливалось. На кладбище было красиво и значимо во время прощания с нашим мастером. Вдруг подумалось, что икона Богородицы “Знамение” в день его ухода тоже стала своеобразным знаком, потому что творческая судьба и жизнь Михаила Петровича были действительно неким особым примером — “знамением” для его современников и потомков.